

Е. П. Бобрикова

СИСТЕМНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

В статье исследуется потенциал внутренней формы слова и деривационных семантических моделей в систематизации лексики на материале английских лексем со значением неопределенного количества в ретроспективном диахроническом освещении. Рассмотрены случаи народной этимологизации и семантических сдвигов, предпринята попытка уточнить этимологию слов с использованием деривационных семантических моделей. В заключение делается вывод о прогностическом и системообразующем потенциале деривационных семантических моделей.

Факт системности языка уже давно никто не подвергает сомнению. По мнению Д. Н. Шмелева, «требование системного изучения лексики стало почти аксиомой» [1, с. 14]. Еще в 30-х годах XX в. Л. В. Щерба называет лексику «системой слов» [2].

В начале XX в. Г. Пауль, хотя и отрицал закономерность системных семасиологических явлений, высказывал мнение о том, что «если история развития значений слов станет когда-нибудь самостоятельной отраслью науки, то она должна будет самым тщательным образом исследовать эти соотношения. Таким образом, и здесь находит свое подтверждение наше основное положение, что отдельные языковые явления можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала, что только таким путем можно прийти к познанию причинной связи» [3, с. 17]. Русский ученый М. М. Покровский неоднократно отмечал системность лексики, подчеркивая то, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью», а объединяются в различные «группировки» по основанию сходства или противоположности, а слова в данных группах имеют сходные семасиологические изменения и могут влиять друг на друга [4, с. 82].

Тот факт, что лексика – система упорядоченная, со своими законами и внутренними отношениями, признает большинство современных лингвистов (Ю. Д. Апресян, Р. А. Будагов, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.). Такая системность проявляется в распределении лексики по частям речи, т.е. по лексико-грамматическим классам; в синонимических и антонимических рядах (лексико-семантических и предметно-тематических группах); в словообразовании и в дистрибутивных и семантических связях [5, с. 14]. Система языка есть «скрытая реальность, которая находится в сознании человека и дана ему эмпирически» [6]. Она включает в себя весь инвентарь языковых единиц, представленных системно на разных уровнях, и обладает определенными механизмами внутри- и межуровневых отношений. Системность лексики представляется сложной и порою противоречивой. Цель статьи – показать прогностические и системные возможности деривационных моделей на примере народной этимологизации и случайных семантических сдвигов. Актуальность обусловлена ретроспективным диахроническим подходом к материалу, представ-

ленному английскими субстантивными лексемами с количественным значением, которые рассматривались в диахронии с целью выявления деривационных моделей. Методом сплошной выборки были отобраны лексемы с интегральной семой неопределенного количества. С помощью дефиниционного, компонентного и корпусного анализа была изучена семантика лексем.

Теоретической базой послужили идеи Г. Пауля о вторичной семантизации слов [3], Г. Стерна, С. Ульмана, теория семантических прототипов Д. Геераертса [7], «семантический закон» Г. Шпербера, работы таких ученых, как Ю. Д. Апресян, В. В. Виноградов, Е. Л. Гинзбург, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелев, А. Е. Супрун, которые изучали механизмы возникновения переносного значения и их влияние на всю лексико-тематическую группу слов.

В настоящее время все больше внимания уделяется изучению семантики с обращением к диахронии, и негласный запрет «на использование данных истории языка при синхронном анализе оказался преодолен: ведь, в конечном счете, постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [8, с. 325]. Еще В. В. Виноградов подчеркивал, что в «синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на его будущее развитие» [9, с. 17]. Именно изучение истории слова, по мнению Е. С. Яковлевой, может «помочь в уяснении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне не нуждается в особых доказательствах» [10]. «Старое» знание помогает нам представить и понять новое, поэтому используемые понятия и значения при усвоении и понимании нового служат не более как «смысловыми знаками» (согласно А. А. Потебне) этого нового содержания, позволяющими нам представить и понять воспринимаемый предмет со всеми имеющимися в этом восприятии или представлении признаками. Внутренняя форма слова – это мысль в действии, направленном на представление, понимание и познание нового явления; это поступательное движение мысли. Можно предположить, что развитие лексической семантики действительно обусловлено внутренней формой слов, что, в свою очередь, отражается на деривационных моделях. Если бы модели деривации обладали абсолютной продуктивностью, то «семантика лексем позволяла бы предсказать парадигму семантической деривации, единую по крайней мере для тематического класса или подкласса» [11, с. 151]. Одной из продуктивных деривационных моделей является модель семантических сдвигов, которые осуществляются по аналогии и закладываются этимологией и внутренней формой. Роль аналогий в семантике выражается в логичном упорядочении значений синонимичных слов и слов одного тематического класса. Например, когда по каким-либо причинам общество утратило в своем сознании связь слова с его этимологией, то носители языка стремятся объяснить его через уже известное им представление, опыт. Такая произвольность толкования может привести к *народной этимологии* – преобразованию слов в сторону их сближения с другими словами, которые представляются (в силу сходства значений, формы или различных ассоциаций) родственными [12, с. 596–597].

Народная этимологизация часто наблюдается при заимствованиях «чужой», «непонятной» лексики, когда наивное сознание «с трудом воспринимает то, что «в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы» [13]. Об этом явлении упоминал еще Ф. де Соссюр, подчеркивая, что в нем «обнаруживаются попытки приблизительного объяснения малопонятного слова путем сопоставления его с чем-либо хорошо знакомым» [14]. Народная этимология выступает только в исключительных случаях и затрагивает лишь редкие слова, технические термины или заимствования из других языков, с трудом осваиваемые говорящими. Не удивительно, что механизм такой этимологизации «одинаков для самых разных культур» [13]. Случаи закрепления народной этимологии в узусе немногочисленны. Можно предположить, что слово в какой-то степени имеет возможность «восстановить» некоторое утраченное или «угасшее» значение по аналогии благодаря своей внутренней форме и моделям семантической деривации. Аналогичное развитие слов считается рациональным, обоснованным, в то время как народная этимология несет в себе иррациональное начало и «действует на авось» [14]. Ф. Соссюр сравнивал явления народной этимологизации и процессы аналогии с «забвением» и «воспоминанием», поскольку эти феномены в языке отличаются тем, что именно лежит в основе анализа, а в остальном они одинаково используют «предоставляемые языком элементы» [14].

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что аналогия (по Г. Стерну) и явления народной этимологии (по Г. Ульману) представляют собой типы семантической деривации [15].

В истории английского языка были случаи, когда в силу народной этимологии слово «теряло» связь с внутренней формой, однако со временем оно «выравнивало» свое развитие под влиянием модели семантической деривации и аналогии.

Рассмотрим развитие семантики английской лексемы *tempest*. Она произошла от латинского слова *tempestās* ‘погода, шторм’ [16], поэтому существовала вероятность того, что лексема сразу начала бы развивать свою семантику по аналогии с синонимичными единицами по модели ‘ветер, гроза (шквалистые природные условия) → резкие порывы, движения → беспорядки, волнения → множество, совокупность людей (неодобр.)’. Таким образом, лексема *tempest* вследствие народной этимологизации имеет отличающуюся от типичной деривационную модель: ‘шквалистый ветер, порыв → резкие движения → период времени → ураган → движущаяся толпа (неодобр.)’ [16].

В XIII в. в семантику английской лексемы *tempest* входила сема ‘ветер, воздушные массы’ и факультативные семы ‘осадки’ и ‘гроза’. В XIV в. она имела значение ‘волнение, беспорядки’ [16]. В конце этого же века вследствие народной этимологии из-за сходства со словом лат. *tempus* ‘время’ лексема приобретает новое значение ‘время, период, случай’, однако оно вскоре становится неактуальным, устаревшим, и дальнейшего развития этого

ЛСВ не происходит. Постепенно семантика слова «выравнивается» и развивается по ожидаемой, спрогнозированной модели. Так, в XVI в. лексема обозначает такое явление, как *thunder-storm* (досл. ‘гром и *шторм*, ураган’), что указывает на возвращение к этимологическому значению языка-донора, а в XVIII в. происходит метафоризация семантики лексемы: развивается количественная номинация множества людей с негативной оценкой: ‘хаотичная толпа, толчея; сборище; яростно настроенная толпа’ [16].

Таким образом, если народная этимологизация не находит широкого употребления и поддержки языкового коллектива, то семантика лексемы стремится эволюционировать по деривационной модели, подсказанной внутренней формой слова, его этимологией и принадлежностью к определенной лексико-тематической группе. Развитие по деривационным моделям может не только задать тенденцию изменения семантики слова, но и определить его дальнейшее функционирование и сочетаемость: «изначальная принадлежность лексем к единой когнитивной области, определяемая общностью их внутренней формы, в дальнейшем программирует их развитие и словообразование» [17, с. 181].

Случай, когда при сдвиге доминантной семы семантика «перестраивается» на новую деривационную модель, можно проиллюстрировать на примере английской лексемы *tide*, семантика которой соответствует деривационной модели: ‘промежуток времени → прилив/отлив моря → наплыв или поток чего-либо’.

Изначально в семантической структуре лексемы доминантной была сема ‘время’. По мнению И. А. Стернина, семы в составе значения могут актуализироваться, ослабляться или усиливаться, расщепляться, конкретизироваться, модифицироваться и т. д. [18, с. 106–121]. В данном случае с XIV в. доминантная сема ‘время’ была тесно связана с обозначением времени прилива и отлива морей, т.е. с семой ‘движение жидкости’, что, вероятно, произошло под влиянием средненижнемецкой лексемы *getide* ‘движение моря’ [16], которая также существовала в виде заимствования в английском языке того периода. Как следствие, постепенно произошел сдвиг доминантной семы на компонент значения ‘движение жидкости’, что отразилось на дальнейшем развитии семантической структуры лексемы и ее функционировании: лексема *tide* «переняла» модель развития лексем с интегральной семой ‘движение жидкости’ и стала развиваться по аналогии с группой лексем с примарным природным значением, объединенных интегральной семой ‘движение жидкости’, наметилась тенденция к метафорической номинации количества. Такие лексемы, как *current*, *flood*, *torrent*, *afflux* и др., осуществили метафорический квантитативный перенос значения в период Средневековья, как и синонимичная лексема *tide* (нач. XVI в.), которая также переняла некоторые их синтагматические свойства. Например, стали допустимыми сочетания с одушевленными существительными для обозначения неопределенного количества: *The tide of men swelled with added numbers* (Наплыв людей возрастал и преумножался) [19].

Внутренняя форма позволяет прогнозировать пути семантического развития, в то время как деривационные модели осуществляют это семантическое преобразование. Утрата связи с внутренней формой есть «отсутствие внутриязыкового “ключа” к употреблению слова» [20].

Изучение этимологии и внутренней формы слов, а также выявление деривационных моделей может прояснить некоторые вопросы происхождения того или иного значения слова. Проиллюстрируем потенциал семантической деривационной модели квантитативных лексем совокупности: ‘территория; место, где находится группа одушевленных лиц или предметов или выполняется какое-то действие → совокупность’. Сравним эволюцию семантики лексем *commune* и *camp*.

Лексема *commune* была заимствована из французского языка в XVIII в. в значении ‘территориальное деление после революции’, а само французское слово восходит к среднефранцузской единице, имевшей значение ‘свободный город и жители в нем’, первое употребление которой приходится на XII в. Собственно значение совокупности (‘община, простолюдины, третье сословие’) появляется в семантике английской лексемы *commune* в начале XIX в. Следует отметить, что смысловая структура французского слова восходит к значению латинского субстантивированного прилагательного *communia* ‘то, что общее’, и представление об общности сопровождает семантическую эволюцию как французской лексемы, так и английской. Таким образом, семантика лексемы *commune* развивалась по модели ‘территория → совокупность лиц (пренебр.)’.

По модели ‘место, пространство, территория → совокупность людей и/или вещей’ развивается группа из 23 лексем: *allocation, barracks, camp, bench, fund, gallery, forum, colony, conclave, bourgeoisie, tribe, town, village, lobby, hamlet, massacre, slaughterhouse, estate, field, place, room, slum, space* (в современном английском в их смысловой структуре есть сема ‘совокупность’), – в этимологии, во внутренней форме которых заложена пространственная сема и сема ‘общности одушевленных и/или неодушевленных предметов на данной территории’.

В словарной статье Оксфордского словаря (OED) [16] лексемы *camp*₁, *camp*₂, указаны как омонимичные, однако нам думается, что это стадии эволюции одного и того же многозначного слова. На такой вывод подталкивает выше описанная деривационная семантическая модель (по аналогии с лексемой *commune* и др.). Сравним семантические структуры данных омонимов и обоснуем предположение о роли семантических моделей в прояснении лексикографических и этимологических вопросов.

По данным словаря OED, лексема *camp*₁ появилась в результате заимствования в древнеанглийский период древнегерманского слова *kampf* ‘бой, сражение, состязание’, которое было германизированной адаптацией латинского слова *camp(-us)*, содержащего в семантике значения ‘поле боя или сражения’ и ‘дуэль, сражение, борьба, война’. Ф. Клуге настаивал на прагерманском происхождении лексемы *camp*₁ и ставил под сомнение связь семантики английской лексемы с латинской, поскольку германские племена имели и без того много слов, обозначающих войну, сражение, и им незачем

было заимствовать еще один синоним [16]. Таким образом, модель эволюции семантики лексемы следующая: ‘? Поле боя → бой, сражение, война (X) → спортивная игра с участием большого количества людей (XVII)’.

Лексема *camp*₂ была заимствована из французского языка, и ее значение восходит к латинскому слову *campo, campus* ‘поле для игр, тренировки’. По одной из версий Э. Литтре, лексема имеет нормандский корень, происходя от слова *champ*, однако данное предположение не подтверждается лингвистическими фактами [16]. Изучив эволюцию семантики данной лексемы по материалам словаря OED, можно вывести модель: ‘место дислокации военных подразделений; военное подразделение, солдаты, живущие и передвигающиеся вместе; лагерь, временное проживание людей; толпа, армия доводов, аргументов; поле, пространство, поверхность (XVI) → военная служба (XVIII) → совокупность людей, проживающих вместе (сер. XVIIIв.) → совокупность людей, приверженцев какой-либо доктрины, теории (XIX) → лагерь (людей) (XX)’.

Как видно, на входе в деривационной модели представлено несколько значений, однако общими для них являются семы ‘место’ и ‘люди’. Начиная с XVIII в. лексема *camp*₂ активно формирует сочетания и употребляется атрибутивно.

Вероятно, данные омонимы генетически связаны, о чем свидетельствует их семантическое развитие и интегральные семы совокупности. Это позволяет вывести для данных лексем общую модель деривации: ‘Место → место и люди на данной территории → совокупность людей (по какому-либо признаку) → совокупность лиц’.

В табл. 1 приведен сравнительный анализ лексем *camp*_{1,2}, который наглядно демонстрирует их семантическую близость.

Т а б л и ц а 1

Сравнительный анализ лексем *camp*_{1,2}

Лексема	Этимология	X в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.
<i>Camp</i> ₁	‘Поле боя’	‘Бой, сражение’		‘Спортивная игра с участием большого количества людей’		
<i>Camp</i> ₂	‘Поле’ ?		‘Место дислокации военных и военные’, ‘толпа, армия доводов’, ‘пространство’		‘Военная служба’, ‘Совокупность людей, проживающих вместе’	‘Совокупность людей, приверженцев какой-либо идеи’

Омонимы могут возникать при расхождении их семантики в процессе развития языка. Поэтому внутренняя форма таких слов может быть одинакова, однако их значения могут очень сильно разойтись, из-за чего теряется связь этих слов. Процесс разграничения полисемии и омонимии не прозрачен, иногда лексикограф колеблется при установлении того, имеет ли он дело с одним словом или двумя, с полисемией или омонимией [21].

Таким образом, лексемы *camp*_{1,2} содержат в своей внутренней форме сему 'территория', и в ходе эволюции их семантика пополнялись семой 'совокупность лиц'. При этом данные совокупности имеют смысловые привязки: совокупность лиц связана с определенной территорией или характеристикой группы лиц.

В Оксфордском словаре лексема *camp*₃ также помечена как омоним, при этом никаких этимологических и иных исторических данных не указано. Ее происхождение до сих пор не установлено, вероятно, это диалектное слово [16]. В XVIII в. в семантике данной лексемы было только одно значение 'куча, из картофеля или репы, конической формы или в виде гребня горы, покрыта соломой или почвой для хранения на зиму', т.е. совокупность предметов на определенном месте, укрытых для хранения. Однако сравнительный анализ деривационных процессов трех лексем дает нам возможность предложить гипотезу о происхождении лексемы *camp*₃. Ее единственное значение 'совокупность предметов определенной формы для хранения' развилось в семантике данной лексемы или на основе метонимического переноса от значения 'совокупность людей, проживающих вместе', принадлежащего семантике лексемы *camp*₂, которое было зафиксировано уже в XVII в. (1); или, если предположить, что *camp*₃ имеет общую этимологию с лексемами *camp*_{1,2}, то значение развилось от этимологической пространственной семы 'поле, территория' (2).

В первом случае номинация переносится с совокупности лиц на предметы. Данная деривация семантики слов нетипична, однако в редких случаях можно наблюдать такую деривацию, особенно при дифференциации синонимов и «лексической борьбы» исконных лексем с заимствованиями. Например, смысловая структура лексемы совокупности *throng* развивалась именно в таком направлении: 'толпа людей, давка (XIV) → большая совокупность **предметов** (XVI) → большое количество **вещей** или абстрактных понятий (работы, дел)'. Подобное развитие наблюдается у лексемы *crowd*: 'толпа, толчея (XVI) → большое количество **вещей** (XVII) → большая совокупность людей или **предметов**'.

Если предположить, что пространственная сема 'поле' была мотивирующей, то деривация семантики лексемы *camp*₃ основывается на метонимическом переносе: 'поле' как пространство или место для хранения и складирования.

В любом случае есть вероятность того, что и лексема *camp*₃ не является омонимом по отношению к лексемам *camp*_{1,2}. Сравнительный анализ деривации лексем представлен в табл. 2.

Сравнительный анализ деривации лексем *camp*_{1,2,3}

Лексема	Этимология	X в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.
<i>camp</i> ₁	‘Поле боя’	‘Бой, сражение’		‘Спортивная игра с участием большого количества людей’		
<i>camp</i> ₂	‘?Поле’		‘Место дислокации военных и военные’, ‘толпа, армия доводов’, ‘пространство’		‘Военная служба’, ‘Совокупность людей, проживающих вместе’	‘Совокупность людей, приверженцев какой-либо идеи’
<i>camp</i> ₃	‘?’				‘Куча овощей особой формы’	

Дальнейшее развитие значения ‘совокупность предметов определенной формы’ в семантике лексемы *camp*₃ не наблюдалось, поскольку, в отличие от лексем *camp*_{1,2}, сема ‘вертикальная форма’ ограничивает ее сочетаемостные возможности с семой ‘лицо, одушевленный предмет’ [22].

В результате диахронического ретроспективного анализа стало возможным прояснить некоторые лексико-семантические явления, этимологические лакуны, «восстановить пропущенные звенья мотивационных процессов» [17, с. 180] на примере слов со значением неопределенного количества. Благодаря выявлению семантических моделей деривации обнаруживается системный характер лексики, в том числе подчеркивается системность диахронии. Исходное значение слова, этимон, его внутренняя форма являются «памятью» [23], которая влияет на употребление слова, пути его семантического развития. Алгоритмы семантических переходов помогут спрогнозировать тенденции изменения значений в «чистом», прототипическом виде при условии отсутствия случайных факторов. При каких-либо «сбоях» в развитии семантики слов (народная этимологизация, коррупция значения или случайные экстралингвистические сдвиги) будет по возможности происходить «систематизация» значений согласно логическим структурам человеческого сознания, которые в лингвистике выражаются в виде аналогичных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики : на материале русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
2. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука. Ленинград. отд-ние, 1974. – С. 265–304.
3. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 470 с.
4. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
5. Черкасова, Е. Т. История лексики русского языка конца XVII – начала XIX века / Е. Т. Черкасова. – М. : Наука, 1981. – 134 с.
6. Бондаренко, Е. В. Эволюция языковой системы в диахронии / Е. В. Бондаренко. – Белгород: Логия, 2005. – 150 с.
7. Geeraerts, D. Diachronic Prototype Semantics / D. Geeraerts. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 224 p.
8. Плунгян, В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. – М. : Рус. словари, 1998. – Вып. 36. – С. 324 – 386 с.
9. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // История слов / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – С. 5–38.
10. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопр. языкознания. – М. : Наука, 1998. – № 3. – С. 43– 73.
11. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 607 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
13. Алпатов, В. М. Народная лингвистика в Японии и России / В. М. Алпатов // «Народная лингвистика» : взгляд носителей языка на язык. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 7–10.
14. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М. : УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.
15. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 19–20.
16. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [at al.]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2007. – 1 CD-ROM.
17. Кожина, А. А. Когнитивная лингвистика и этимология / А. А. Кожина // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik-Славянские языки в когнитивном аспекте / Т. Анштат, Б. Норман. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2010. – S. 179–196.
18. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

19. British National Corpus [Electronic resource] / Oxford Univ. Computing Services; Univ. of Oxford, 2009. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access : 07.12.2017.
20. Григорян, О. Аспекты мотивированности и функционирования слова / О. Григорян // *Вопр. языкознания* [Электронный ресурс]. – М. : Наука, 1980. – № 2 – Режим доступа : [http://raber.asj-oa.am/2712/1/1980-2\(32\).pdf](http://raber.asj-oa.am/2712/1/1980-2(32).pdf). – Дата доступа : 28.03.2017.
21. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // *Новое в лингвистике*. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
22. Бобрикова, Е. П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е. П. Бобрикова // *Учен. зап. УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. трудов*. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Т. 20 – С. 301–308.
23. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // *Вопр. языкознания*. – М. : Наука, 2001. – № 2 – С. 13–25.

The article looks at the potential of words' inner form and derivational semantic models and their capability to systematize the vocabulary, which is illustrated with English lexemes denoting fuzzy numbers and uncertain quantities seen from a retrospective and diachronic approach. The research examines the cases of folk etymology and semantic shifts. An attempt has been made to clarify etymology of some words by means of derivational and semantic modeling. The article concludes that derivational semantic models may possess a prognostic and system-generative potential.

Поступила в редакцию 10.07.18

С. В. Кондракова

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАКОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИЧАСТНЫХ УНИВЕРБОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье раскрывается сущность семантики причастных универбов, эквивалентных по своему содержанию целым предложениям, выявляются семантико-синтаксические типы связи между компонентами этих сложных слов. Установлено, что особенности семантики композитных причастий обуславливают специфику их функционирования в художественном тексте, где они служат для различных прагмакоммуникативных целей.

Мотивированные предикативными комплексами *причастные универбы* эквивалентны по своему содержанию целым предложениям и могут рассматриваться как универбированные синтаксические словосочетания [1, с. 242]. Если тесная связь словообразования с синтаксисом очевидна в сфере сложных слов, то в единицах-универбах она особенно ярко выражена, поскольку речь идет о комплексных наименованиях, явно отражающих определенные синтаксические отношения между их составляющими. В этих образованиях